

УДК 398.28 (=512.157)+(=512.211)

DOI: 10.34670/AR.2023.70.90.011

Девы-оборотни в эпической традиции эвенгов и якутов

Данилова Анна Николаевна

Кандидат филологических наук,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
677027, Российская Федерация, Якутск, ул. Петровского, 1;
e-mail: danilova.aanchyk@yandex.ru

Петрова Валентина Алексеевна

Кандидат исторических наук, научный сотрудник,
Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
677027, Российская Федерация, Якутск, ул. Петровского, 1;
e-mail: valya89243679003@mail.ru

Исследование выполнено в рамках научного проекта ПФИ РАН № 0279–2021–0036 «Поэтика фольклорного и литературного текста Якутии: специфика и закономерности эволюции».

Аннотация

В эпических текстах эвенгов и якутов фигурируют множество мифологических персонажей, которые наделены земными и сверхъестественными свойствами, имеющие двойное физическое обличье человека и животного. Среди них часто встречаются Девы-птицы, способные к оборотничеству. Цель исследования состоит в том, чтобы изучить вопросы оборотничества мифических дев-птиц в эпической традиции эвенгов и якутов. Научная новизна исследования заключается в том, что в данной статье впервые рассматриваются вопросы оборотничества дев-птиц в эпических текстах эвенгов и якутов, которое не было предметом специального исследования. Эпические героини, которые сочетают в себе черты человека и птицы, часто встречаются в якутских олонхо и эвенских нимканах. В эпических текстах женские образы могут перевоплощаться в различных мифологических птиц, иногда в животных, могут изменять свою внешность, превращаются в различные явления природы: вихрь, черную тучу, ветер, снег, бурю и т.д. Женские образы в эвенском эпосе нимкане и в якутском олонхо схожи внешней необыкновенной красотой, а также функциональными особенностями, обладают магическими способностями. Образы удаганок в якутском олонхо раскрываются всесторонне: внешне они привлекательны и красивы, но в отличие от эвенских красавиц они физически подготовлены, сильны, мужественны и храбры и не уступают мужчинам. Здесь отражены изначальные скрытые возможности древних женщин якуток, имевших интуитивную силу, выступающую в виде их шаманской силы. То, что в олонхо и в эвенском нимкане преобладают образы дев-птиц, говорит об архаичности сюжетов.

Для цитирования в научных исследованиях

Данилова А.Н., Петрова В.А. Девы-оборотни в эпической традиции эвенов и якутов // Культура и цивилизация. 2023. Том 13. № 11А. С. 82-90. DOI: 10.34670/AR.2023.70.90.011

Ключевые слова

Эвенский эпос нимкан, якутский эпос олонхо, сказочный фольклор, мифологический персонаж, дева-птица, оборотничество.

Введение

В эвенской и якутской фольклористике тема женских образов занимает особое место. Это объясняется тем, что женским персонажам в героических эпосах эвенов и якутов отведено центральное место. В связи с этим ученые-исследователи не раз обращались к этой теме. Один из продолжительных сказаний о Девах-птицах находим в работе Ж.К. Лебедевой, где лебедь выступает тотемным предком [Лебедева, 1981, 144-150]. Аналогичные сюжеты встречаются в фольклоре многих сибирских народов. Он имеет параллели с сюжетами других народов и считается мировым. Анализу мифологических образов птиц в эвенском фольклоре, женских персонажей в северо-восточной традиции якутов, зооморфных образов девушек в нимкане посвящены статьи Р.П. Кузьминой, О.К. Павловой и пришли к выводу о том, что данные превращения являются пережитками тотемизма не только у эвенов и якутов, но и у всех народов Сибири [Кузьмина, 2013; Павлова, Яковлева, 2022].

Основная часть

Персонажами, которые сочетают в себе черты человека и птицы в якутских олонхо чаще выступают шаманки Верхнего мира. Они принимают вид то птиц, то прекрасных девушек. В якутских олонхо удаганки тоже могут перевоплощаться в различных мифологических птиц (в стерха, в журавля), иногда в животных (в быка), могут изменять свою внешность, превращаются в различные явления природы: вихрь, черную тучу, ветер, снег, бурю и т.д. У якутов издавна существовал культ птиц. Птицы считались священными и неприкосновенными. В эпосе можно проследить мотив поклонения стерхам (белым журавлям). Стерх символизирует красоту, бдительность, долголетие, удачу, супружескую любовь и верность. Стерх как духовный символ воспринимается народом саха в трех ипостасях: во-первых, как божество Айыы, во-вторых, как «дойду иччитэ» (духовный облик матери-земли) и как тотем «ийэ кыыл». Смысл всех трех духовных символов сводится к защите человека от злых духов, ограждению от неприятностей разного рода. Некоторые якутские роды, считают, что они происходят от стерха. Стерх является общим мифологическим культурным героем, помогающим людям и дарующим им чудодейственный золотой волосок. Он представлен родовым тотемом якутов, славившихся мастерами-кузнецами и ювелирами. Э.К. Пекарский писал: «Кыталык – изображение стерха в шаманском костюме, сделанное из железной пластины. Каждое из трех изображений, пришиваемых на передней части шаманского кафтана от шеи внизу по борту и служащие эмблемой полета шамана» [Пекарский, 2008]. Якуты могут давать названия местностям, в которых останавливались стерхи. В старину стерха сравнивали с Айыы, то есть с божеством. Бережно сохранились названия местностей, связанных с почитанием стерха: Айыы тайбыт,

Айыы үнкүүлээбит (местности, где обитали и танцевали стерхи). Эти местности считались счастливыми, дарующими силу и благодать, отмеченными благосклонностью верхних божеств. В исторической лексике часто встречается словосочетание «кыталык кыыл». На древнем якутском языке слово «кыыл» использовалось для обозначения собирательного понятия «существо», соответственно до сих пор употребляются словосочетания «көтөр кыыл», «кынаттаах кыыл» (крылатые птицы). Понятие «кыыл» усиливает значение обозначаемого предмета. Поэтому словосочетание «кыталык кыыл» подчеркивает его мифологическую значимость для восприятия и силы птицы.

Колымские северные якуты используют слово «кыталык» в охотничьем иносказательном смысле «ружье». Кроме того, среднеколымские якуты словом «кыталык ала» обозначают также коня и лошадь рыжей масти, в чулках. На Средней Колыме есть разновидность ягоды, называемой «кыталык отоно». В Горном улусе отмечено понятие «кыталык күрүө» – изгородь о трех жердях.

Птицы являются живым украшением Срединной земли, обитаемой саха. Об этом воспевается в олонхо так:

... Здесь птицы-стерхи поют,
У которых граненый клюв,
Красная кайма на глазах ....

В песнях олонхо стерхи присутствуют как наиболее популярные и любимые птицы, не только украшающие Срединный мир. Их белый, чистый образ служит сравнением для передачи красоты и светлых сил: «Белые березы растут, похожие на стаи лебедей. На стройных, как стерхи, женщин-хотун». Стерх становится вестником между светлыми силами наяву и во сне.

Стерх как предвестница грозных событий способна вселить веру в свои силы, покровительствовать над дитя айыы. Так, в олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» сын Туйаарыма Куо и Юрюнг Уолана получает напутствия и прямые указания от прекрасной птицы-стерха для дальнейших действий [Оросин, 1947].

В словах стерха ребенка, будучи сыном Туйаарыма Куо и человеком айыы, улавливает скрытый смысл слов и культурный код информации, он достигает своим умом намерение Кыыс Нюргун и возможные действия Нюргун Боотура. Таким образом, в олонхо стерх осуществляет единую информационную связь, передающуюся родными Верхнего божества.

В олонхо и песнях якутов стерх является любимой птицей, образ которой принимают небесный шаманки, небесные вестницы, богатырки, невесты и сестры героя, чтобы отправиться в Верхний мир или спуститься в Средний, то есть когда надо преодолеть большие расстояния. Стерх, как почитаемая птица, связан с верхним миром, являясь старшей дочерью верхнего божества Айынга Сизэр Тойон и величавой Айыы Нуоралджын Хотун. Стерх выступает также в образе небесной удаганки Айыы Умсуур Удаган. Сестру небесного шамана Кубалыыр Ойууна (шамана Лебеда) зовут Кыталыктыыр Кырбыкы (Стерх осторокрылый). Великие удаганки спускаются с небес и улетают ввысь, перевоплощаясь в стерха. Стерх стал олицетворением всего светлого доброго, счастливого начала, покровителем людей. У якутов стерх традиционно воспринимается как образ девушки, а журавль и орел – юноши.

Стерх как символ девичьей красоты олицетворяет поклонение саха женскому началу. Туйаарыма Куо, ставшая символом красоты девушки-саха, стройностью сравнимая с белоснежным стерхом, воспринимает своих подруг также в образе стерхов:

- Вы, белые журавли,
Выступающие чередой

На стройных ножках своих,
В красных сапожках своих,
Яркими сверкающими глазами,
Звонкими поющие голосами,
Дорогие сестры мои!...

Белый цвет стерха наделяется в якутской духовности глубоким смыслом. Удивительная грация стерха символизирует красоту, чистоту, нежность, силу и быстроту, переходящие в магическую силу. Стерх олицетворяет идеал эпической красоты, приносящей миру жизнь и преемственность поколений.

В якутском устном творчестве воспевается образ семи стерхов как символ связи человека с Верхними божествами. В сказках и олонхо сохранился общий евразийский мотив о семи стерхах-девушках, одна из которых стала женой старшего из братьев.

В якутском фольклоре изначальная Мать-земля описывается как вечнозеленая, где ежедневно восходит почитаемое белое солнце и где зимуют счастливые журавли. Вероятно, стерх таким образом олицетворяет не только добрую волю Верхних божеств, но и является символом прародины саха. В эпосе «Нюргун Боотур Стремительный» рассказывается, как Айыы Умсуур Удаган в образе самца-стерха прилетала помогать младшему сыну Верхнего божества Юрюнг Уолану.

В олонхо «Ала Булкун» удаганка Кюегэйэн, повертевшись по ходу солнца, приняла облик стерха, а удаганка Айталын превращает восемь сестер и себя в стерхов. И они стайей улетают в небо [Захаров, 1994].

Самым распространенным явлением выступают образы девушек-лебедей. Мотивы с образом девы-лебедя можно встретить во многих фольклорных текстах эвенов и якутов.

В сказках, легендах и преданиях лебедь – это олицетворение мудрости и необычайной волшебной силы. Вместе с тем в образах небесных шаманок прослеживаются черты типичных эпических красавиц, встречаемых в героическом эпосе многих тюркских народов. Они могут менять свой облик и превращаться то в птиц, то в прекрасных девушек.

По мнению известного советского ученого «дева-лебедь – сказочно-мифологический образ, восходящий к пережиткам представлений периода тотемизма и хорошо известный тюркскому эпосу и народным преданиям, так и сказкам многих других народов» [Жирмунский, 1974].

Животные символизируют богатырские и магические способности этих персонажей. Так жители Верхнего мира представлены в образах мифических птиц: Ексею и Орел. В олонхо «Кыыс Дэбилийэ» главная героиня Кыыс Дэбилийэ была сослана в Средний мир, и ее удел был ранее предопределен. Она превращается в Ексею, что означает ее богатырскую мощную силу. Небесная богатырка Аан Ахталыйа принимает облик Орла, что воспринимается как святой, почитаемый объект. Такой вид богатырка принимает, когда выезжает на битву. Но в трудную минуту она ускользает из рук противника, обернувшись маленькой птичкой.

В шаманской мифологии якутов, великие шаманы имеют мать-зверей в образе «*өксөкү кыыл*», большой птицы с клювом, с крючковатыми цепкими когтями и с хвостом длиной в три маховых сажени. Мать-зверь приходит при рождении и воспитании души шамана, позже возвращается (показывается) только при смерти» [Ксенофонов, 1992]. Г.В. Ксенофонов считает, что «мать-зверь якутского шамана является «силой огня зрения» шамана, это как воплощение пророческого дара шамана, силы его прозрения, проникновения в прошлое и будущее» [там же, 69]. Таким образом, здесь проявляется еще одно значение понятия «*кыыл*», а именно – шаманской «силы». Образы небесных удаганок встречаются во всех текстах олонхо и

являются постоянными и верными помощниками богатырей айыы, а также людей Среднего мира. Они в олонхо описываются как посредники между богами и людьми, ведь сами божества не имели права спускаться на грешную Среднюю землю. Удаганки обладают сверхъестественными способностями управлять природными силами и стихиями своей шаманской силой, и, прежде всего, магической силой слова и умением правильно справлять различные обряды.

Полагаем, что птица-зверь как символ Солнца выступает в качестве сакрального медиатора. Сила этой солнечной птицы-зверя связана с представлениями якутов о душе человека «кут», который во время исполнения обрядовых песен поднимается в Верхний мир.

Фольклорные произведения всегда служили источником изучения исторического прошлого народов. По своему происхождению сказания о женщине-богатырке, как отмечают многие исследователи-эпосоведы, генетически восходят к эпохе матриархата, когда поколение женщин в условиях рядового матриархального быта было господствующим в семье и обществе. Исследуя мировую мифологию, можно удостовериться, что в период создания мифов женщина занимала почетное место в социуме. Это проявилось в многочисленных женских культах: «Великой Матери», «Матери богов», прародительницы кланов, племен, которая почиталась почти у всех народов со времен матриархата. В якутской мифологии женские божества Айыысыт и Иэйиэхсит также занимают немаловажное место в пантеоне божеств. Они имели высокое положение и были весьма почитаемы. В олонхо о женщинах-богатырках воинственная женщина всегда занимает высшее положение в эпическом обществе: она выступает родоначальницей племени айыы.

Олонхо «Шаманки Уолумар и Айгыр» было записано Э.К. Пекарским в 1886 г. со слов олонхосуга Жулейского наслега Ботурусского улуса Якутского округа от Николая Абрамова. Якутский текст опубликован Э.К. Пекарским [Образцы..., 1908]. Русский перевод издан С.В. Ястремским и А.А. Поповым. Олонхо о шаманках Уолумар и Айгыр состоит из двух частей. В первой части удаганки-богатырки сами себе находят своих мужчин. (Уолумар чудесным образом похищает двух богатырей, оставляя одного себе, другого – сестре. Удаганки, являясь хранительницами домашнего очага, рожают сыновей. Их судьба уже прослеживается во второй части олонхо. Если в первой части олонхо устроителем и защитником семейных устоев выступает женщина, то во второй части эту роль играют их сыновья, богатыри – мужчины).

В олонхо отмечается физическая сила удаганок, их могущество, которые ничуть не уступают богатырской силе героев богатырей-мужчин. Так же могущественны они как удаганки по своей магической силе. Иногда они являются хитрее, умнее и коварнее мужчин, если хотят победить врага.

И.В. Пухов также считал, что «в олонхо люди айыы не знают шаманов-мужчин, а только шаманок, причем почти каждая женщина является как бы потенциальной шаманкой».

То, что в олонхо преобладают образы удаганок, говорит об архаичности самих сюжетов олонхо, когда эти образы возникли еще до появления самих мужчин-шаманов, хотя их образы также встречаются в некоторых сюжетах.

Уолумар и Айгыр – их образы показаны как самых могущественных удаганок из всех существующих. Образы удаганок-богатырок являются другим типом удаганок, стоящим на более высокой ступени по социальному происхождению, а также по статусу. Все они женщины, богатырки-удаганки Среднего мира. Образы удаганок раскрываются всесторонне: внешне они привлекательны и красивы, физически подготовлены, сильны, мужественны и храбры и не уступают мужчинам, обладают большими магическими способностям как удаганки. Таким

образом, их образы как бы даже превосходят образы мужчин богатырей, уступающих им в магической колдовской силе. Здесь отражены изначальные скрытые возможности древних женщин, имевших интуитивную силу, выступающую в виде их шаманской силы. Следовательно, в олонхо даются полнокровные образы женщин в древние времена, которые наравне с мужчинами делили тяготы военного времени и военных походов, тем самым, видимо, они заслуживали уважение мужчин.

В эпосе небесные светила (солнце, луна, звезды) наделяются антропоморфными чертами и соответственно обзаводятся хозяйством, семьями и т.д. Эти мифологические представления воплощены в персонажах героического эпоса. В большинстве олонхо дочь Солнца-господина Кюегелжин удаганка и дочь Месяца-господина Ыагастаан удаганка выступают могущественными шаманками из всех существующих, обладают способностью возвращать жизнь мертвецам.

Формулы красоты, где солнце, луна и звезды оказываются непосредственной «частью тела», представляют собой интерес с точки зрения исторической поэтики. Женская красота девы-птицы в эвенских нимканах была исследована с точки зрения атрибутивных и фигуративных формул [Данилова, Павлова, 2022]. Атрибутивные формулы содержат несколько категорий: 1). Небесные светила как «части тела»; 2). «Собственное» излучение света (без светил); 3). Персонажи, пораженные красотой героини (героя), забывают обо всем (о времени) или «сходят с ума»; 4). «Прозрачность» тела; 5). «Следствия» жестов, движений, эмоций; 6). Золото как «материал». В фигуративных формулах женская красота сравнивается с чем-то, с каким-то явлением, поэтому их называют формулами-сравнениями. Атрибутивные формулы:

1) Небесные светила как «части тела». Примеры к этой категории мы обнаружили и в эвенских нимканах о Девах-птицах. Так, в эвенском нимкане повествуется о том, как Уинья на большом озере увидел трех купающихся женщин: «Волосы женщин были золотистые, ногти и зубы серебряные, а на лбу яркие звезды горят, как солнце» [Новикова, 1958, 48].

2) «Собственное» излучение света (без светил). Примеры к данной категории обнаружены и в эвенских нимканах о Девах-птицах. В эвенском нимкане: «Однажды вверху послышался шум. Уинья взглянул на небо и зажмурился от яркого света. Около него села женщина-птица» [там же, 49].

3) Золото как «материал». В эвенских нимканах о девах-птицах одно описание можно соотнести сразу к нескольким категориям. Например, тот же пример, который был приведен к первой категории, относится и к данной категории: «Волосы у женщин были золотистые, ногти и зубы серебряные, а на лбу яркие звезды горят, как солнце» [там же, 48]. Женщина в этом эвенском нимкане имеет не только «золотые» волосы, но и крылья: «Приблизился к одежде женщин и увидел золотые крылья. Задумал он унести крылья с собой» [там же, 48].

4) Персонажи, пораженные красотой героини, забывают обо всем (о времени) или «сходят с ума». В качестве примеров к данной категории найдены образцы и в эвенских нимканах о девах-птицах. В эвенском нимкане: 1). «Уинья не мог даже смотреть на них, так сверкающий блеск резал ему глаза» [там же]; 2). «Соседи говорят: - Какая красивая жена у Уиньи! И вот задумали мужчины селения погубить Уинью, чтобы отнять у него красивую жену» [там же, 49].

5) Имя героини. В данную категорию мы включили имена героинь, ярко отражающие красоту эпической женщины. Наименования в основном связаны с названиями драгоценных металлов и небесных светил. Они присутствуют и в эвенских нимканах. Имя героини *Гевак* образовано от «гяван» 'рассвет' [Данилова, 1991, 12].

Фигуративные формулы-сравнения. Данная категория присутствует и в эвенских нимканах о девах-птицах. В эвенском нимкане повествуется о том, как Уинья на большом озере увидел трех купающихся женщин «Волосы женщин были золотистые, ногти и зубы серебряные, а на лбу яркие звезды горят, как солнце [там же, 49].

В целом, в эвенском нимкане о девах-птицах из восьми категорий выявлены почти все группы атрибутивных формул женской красоты: 1). Небесные светила как «части тела»; 2). «Собственное» излучение света (без светил); 3). Персонажи, пораженные красотой героини; 4). Золото как «материал»; 5) Имя женского персонажа. В нимканах о девах-птицах не обнаружены следующие категории атрибутивных формул женской красоты: 1). «Прозрачность» тела; 2). «Следствия» жестов, движений, эмоций; 3). Длинная коса. Как показал исследуемый материал, данные категории формулы женской красоты представлены своеобразно во всех эпических текстах эвенов [Данилова, 2022, 2486].

Заключение

Эпические герои, которые сочетают в себе черты человека и птицы, часто встречаются в якутских олонхо и эвенских нимканах. В эпических текстах женские образы могут перевоплощаться в различных мифологических птиц (в стерха, в лебедя, в ексею-орла), иногда в животных (в быка), могут изменять свою внешность, превращаются в различные явления природы: вихрь, черную тучу, ветер, снег, бурю и т.д. Женские образы в эвенском эпосе нимкане и в якутском олонхо схожи внешней необыкновенной красотой, а также функциональными особенностями, обладают магическими способностями. Образы удаганок в якутском олонхо раскрываются всесторонне: внешне они привлекательны и красивы, но в отличие от эвенских красавиц они физически подготовлены, сильны, мужественны и храбры и не уступают мужчинам. Здесь отражены изначальные скрытые возможности древних женщин якуток, имевших интуитивную силу, выступающую в виде их шаманской силы. То, что в олонхо и в эвенском нимкане преобладают образы дев-птиц, говорит об архаичности сюжетов.

Библиография

1. Данилова А.А. Иркэнмэл, Оиндя, Мэтэлэ. Якутск: Розовая чайка, 1991. 48 с.
2. Данилова А.Н., Павлова Н.В., Петрова В.А. Формулы женской красоты (на материале эвенской и якутской эпической традиции) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022. № 8. С. 2479-2487.
3. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974.
4. Захаров Т.В. Чээбий. Ала Булкун: Якутское олонхо. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1994. 104 с.
5. Ксенофонов Г.В. Шаманизм. Избранные труды. Якутск, 1992. 299 с.
6. Кузьмина Р.П. Мифологические образы птиц в эвенском фольклоре // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 10 (28). С. 99-101.
7. Кыыс Дэбилийэ: Якутский героический эпос. Новосибирск: Наука, 1993. 330 с.
8. Новикова К.А. Эвенский фольклор (сказки, предания и легенды, песни и загадки). Магадан, 1958. 117 с.
9. Оросин К.Г. (сост.) Нюргун Боотур Стремительный. Якутское олонхо. Якутск, 1947. 410 с.
10. Павлова О.К., Яковлева С.К. Женские образы в якутском эпосе и эвенском нимкане // Вопросы национальных литератур. 2022. (1). С. 38-45.
11. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. Т. 2. СПб.: Наука, 2008. 1289 с.
12. Пухов И.В. Якутский героический эпос олонхо. Основные образы. М., 1962. С. 126.

Werewolves in the epic tradition of the Evens and Yakuts

Anna N. Danilova

PhD in Philology,
Institute of Humanities Studies and Problems
of the Small Nations of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
677027, 1, Petrovskogo str., Yakutsk, Russian Federation;
e-mail: danilova.aanchyk@yandex.ru

Valentina A. Petrova

PhD in History, Researcher,
Institute of Humanities Studies and Problems
of the Small Nations of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
677027, 1, Petrovskogo str., Yakutsk, Russian Federation;
e-mail: valya89243679003@mail.ru

Abstract

The epic texts of the Evens and Yakuts feature many mythological characters who are endowed with earthly and supernatural properties, having the dual physical appearance of man and animal. Among them there are often Bird Maidens capable of werewolves. The purpose of the study is to study the issues of werewolfism of mythical bird maidens in the epic tradition of the Evens and Yakuts. The scientific novelty of the study lies in the fact that this article for the first time examines the issues of werewolf maidens-birds in the epic texts of the Evens and Yakuts, which was not the subject of special research. Epic heroes who combine human and bird traits are often found in Yakut olonkho and Even nimkans. In epic texts, female images can transform into various mythological birds, sometimes into animals, they can change their appearance, turn into various natural phenomena: a whirlwind, a black cloud, wind, snow, storm, etc. Female images in the Even epic Nimkan and in the Yakut olonkho are similar in their external extraordinary beauty, as well as functional features, and have magical abilities. The images of Udagan women in the Yakut olonkho are revealed comprehensively: outwardly they are attractive and beautiful, but unlike the Even beauties, they are physically fit, strong, courageous and are not inferior to men. The fact that images of bird maidens predominate in the olonkho and the Even nimkan speaks of the archaic nature of the plots.

For citation

Danilova A.N., Petrova V.A. (2023) Devy-oborotni v epicheskoj traditsii evenov i yakutov [Werewolves in the epic tradition of the Evens and Yakuts]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 13 (11A), pp. 82-90. DOI: 10.34670/AR.2023.70.90.011

Keywords

Even epic nimkan, Yakut epic olonkho, fairy-tale folklore, mythological character, Maiden-bird, werewolf.

References

1. Danilova A.A. (1991) *Irkenmel, Oindya, Metele* [Irkenmel, Oindea, Matele]. Yakutsk: Rozovaya chaika Publ.
2. Danilova A.N., Pavlova N.V., Petrova V.A. (2022) Formuly zhenskoi krasoty (na materiale evenskoi i yakutskoi epicheskoi traditsii) [Formulas of female beauty (based on the Even and Yakut epic traditions)]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 8, pp. 2479-2487.
3. Ksenofontov G.V. (1992) *Shamanizm. Izbrannye trudy* [Shamanism. Selected works]. Yakutsk.
4. Kuz'mina R.P. (2013) Mifologicheskie obrazy ptits v evenskom folklоре [Mythological images of birds in Even folklore]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Science. Questions of theory and practice], 10 (28), pp. 99-101.
5. (1993) *Kyys Debiliie: Yakutskii geroicheskii epos* [Kyys Dabilie: Yakut heroic epic]. Novosibirsk: Nauka Publ.
6. Novikova K.A. (1958) *Evenskii fol'klор (skazki, predaniya i legendy, pesni i zagadki)* [Even folklore (fairy tales, stories and legends, songs and riddles)]. Magadan.
7. Orosin K.G. (comp.) (1947) *Nyurgun Bootur Stremitel'nyi. Yakutskoe olonkho* [Nyurgun Bootur the Swift. Yakut olonkho]. Yakutsk.
8. Pavlova O.K., Yakovleva S.K. (2022) Zhenskie obrazy v yakutskom epose i evenskom nimkane [Female images in the Yakut epic and Even nimkan]. *Voprosy natsional'nykh literatur* [Questions of national literature], 1, pp. 38-45.
9. Pekarskii E.K. (2008) *Slovar' yakutskogo yazyka. T. 2* [Dictionary of the Yakut language. Vol. 2]. St. Petersburg: Nauka Publ.
10. Pukhov I.V. (1962) *Yakutskii geroicheskii epos olonkho. Osnovnye obrazy* [Yakut heroic epic Olonkho. Basic images]. Moscow.
11. Zakharov T.V. (1994) *Cheebii. Ala Bulkun: Yakutskoe olonkho* [Chaebiy. Ala Bulkun: Yakut olonkho]. Yakutsk: Sakhapoligrafizdat Publ.
12. Zhirmunskii V.M. (1974) *Tyurkskii geroicheskii epos* [Turkic heroic epic]. Leningrad: Nauka Publ.